

***Симененко Галина Ивановна.
Участник проекта "Я из прошлого протягиваю мост..."***

Своими воспоминаниями о Великой отечественной войне со мной делится Галина Ивановна Симененко, ребёнок войны, труженица и моя бабушка. Когда она начинает рассказывать о пережитом – передо мной не 76-летняя женщина, прожившая тяжёлую трудовую жизнь, а просто Галя, маленькая девочка с яркими голубыми глазами, в которых стоят слёзы, когда она вспоминает об отце и брате, не вернувшихся с войны.

ДО ВОЙНЫ

До войны у нас была большая семья: папа с мамой – Иван Николаевич и Анна Григорьевна, и четверо детей – Гриша, две Гали, Алла. Мы жили под Псковом, в большой деревне Росстани. Мы не состояли в колхозе, папа был производственником, работал на железной дороге. Старший брат, Гриша, закончил семь классов, хорошо знал немецкий. В 15 лет уже работал стрелочником на железной дороге.

Жили мы дружно. Папа прошёл советско-финскую войну. Не пил и не курил, никогда не ругался. Гриша любил играть на балалайке и пел патриотические песни (про Каховку, «Прощание»), песни времён Гражданской войны. Он часто

***Иван Николаевич (в центре),
фото времен советско-финской
войны***

пел, а мама в сердцах бросала ему: «Застынь!»
А папа говорил: «Пой, Гриш. Анна, придёт
время, ты и послушала бы, но не будет». И ведь
пришло это время...

ВОЙНА

Папу не сразу взяли на фронт, у него была
бронежилет, он ведь работал в депо, на станции
«Дно» (это 12 км от нашей деревни).

К нам, в Росстани, немцы пришли где-то в
конце сорок первого года. Они жили на станции,
а в деревню приходили почти каждый вечер. И
все жители закрывали, завешивали окна
(вечером в домах горели свечи или
керосиновые лампы), выключали свет. Боялись,
что будут по окнам стрелять. Но этого не
происходило.

Были иногда облавы, немцы искали и
забирали мужчин. И вот куда папе деваться? В окоп. Зашёл, на кровать лёг и
говорит: «Скоро придут немцы». А меня тогда покусали пчёлы, всё лицо опухло, я
почти не видела ничего. В тот день мама в обед наварила мяса, и мы сели есть.
Мне пять лет было. Ем, вся засаленная, перепачкалась едой, да к тому же
заплавшая. И тут открывается дверь. Немцы! А они очень боялись всякой заразы.
Поэтому, когда увидели меня, заорали: «А-а-а!» и ушли поскорей. Папа потом
сказал: «Доченька, ты меня спасла». Ведь, если бы не я, они бы забрали отца...

Немцы нормально относились к сельчанам, меняли вещи на продукты, на
кур, на яйца. Если же партизанам что-то нужно было, так они просто забирали.
Как-то раз сваяли валенки Грише на работу, и к нам пришёл один партизан.
Увидел их и говорит: «О, какие хорошие валенки, а у меня рваные!» И забрал.
Чего немцы никогда не делали!

Помню одного немца, Франца, он всё повторял: «Мы же не хотим воевать, нас заставляют». Он ездил домой в отпуск, и привёз нам оттуда ботиночки, какую-то еду, у них же всё было получше. Помню даже шипучку такую – зелёный порошок, разведёшь с водой – вот тебе и лимонад. Это в сороковые-то!..

Папа и Гриша помогали партизанам, папин дядя был командиром партизанского отряда.

Брат ночью водил партизан на линию, чтобы подорвать её.

Во время перерыва на работе собирал малину, угощал немцев, и, пока немцы ели, слушал, о чём они говорили. Всё-таки те немцы были доверчивые... Они называли Гришу «гут мальчик» и не догадывались, что он нашим партизанам все услышанные сведения передаёт.

Но в деревне был предатель, Саня Басканов. Его семья жила в деревне, а он ночевал у немцев. Никто не смел его тронуть. Правда, однажды партизаны решили спалить его дом. Зажгли, и жена с детьми еле спаслась. Они самого Басканова хотели убить, но он в это время был у немцев.

Из-за предателя повесили двух человек. Они сами себе могилы рыли. Всю деревню согнали на это смотреть. И заставили нашего Гришу и ещё одного деда караулить, чтоб их не срезали и не похоронили, чтобы всю ночь висели. А отец не позволил Грише караулить, сам пошёл.

Мы тоже натерпелись. Басканов всё время подслушивал, подсматривал – знал, что к папе ходят партизаны. И всё караулил около колодца. Сидел до часу ночи. А партизаны к нам приходили в три-четыре утра. Мы собаку ночью прятали в подвал, чтобы она не лаяла. Басканов часто папе говорил: «Знаешь, Иван, я не сегодня-завтра тебя своей рукой застрелю». (Уже потом, когда немцы отходили, он просился с ними, но они его с собой не взяли. После войны его осудили на 25 лет, и он уже не вернулся. А его семья уехала из деревни).

Так вот, этот Саня доносил немцам, и папу два раза забирали на допрос. Били плетью. А в третий раз сказали: «Если будут ещё на вас доносы – расстреляем!» После этого папа попросил партизан больше не ходить к нему, ведь не только его могли убить, но и всю семью уничтожить. Тогда партизаны

забрали нас в леса. Мы оставили тётке собаку, корову (её потом увели на бойню), а вот лошадь, Ленту, взяли с собой. И потом с ней же вернулись.

Сначала мы были в деревне Вошково, потом Утишенье (там мы пробыли всю зиму).

Папа ходил на задания с партизанами. А мы жили в окопах, землянках, в лесах тоже прятались. Когда мы были в лесу, там постоянно стреляли, и я думала только: «Хоть бы с папу с мамой не убили!» Очень боялась. Я хорошо помню шалаш из ёлок, в нём спали мы, дети, под одеялами. А взрослые жгли маленький костёр. Это до окопов. Потом сделали окопы, в них были маленькие окошечки, туда подходили лисы, волки. Огонечёк горит, а им интересно. У волков так глаза светятся!..

Весной сорок второго немцев выгнали из нашей деревни, и мы вернулись. Хорошо помню, что мы проезжали весной реку Шелонь, уже таяло. Мосты были взорваны. Нас, детей, сняли с лошади, и мы шли за ней по льду. И там я увидела кучу сожжённых людей! Маме запомнилось, что лежала женщина, у неё по бокам двое детей, и у них только зубы белые, остальное всё сгорело. Немцы говорили, что, если в деревне убьют немца, то будет сожжена вся деревня. И сжигали.

Мы вернулись, а в нашем доме расположился штаб. Пришлось жить в чулане. Грелись на печке.

Сразу после возвращения папу забрали в действующую армию. Месяца через четыре папа погиб. Он был подо Ржевом¹, в той страшной мясорубке. После войны к маме пришёл мужчина из соседней деревни, папин сослуживец, и рассказал нашей маме, как умирал её муж. Шёл бой, отца ранило в живот. Папа просил пить, а раненым пить не давали, не до них было. Кто-то воду рукой зачерпнул и понёс куда-то. А отцу не дал. Папа сказал: «Эх ты, свинья, воды пожалел». И всё про Гришу вспоминал, говорил, что и сыну будет такая участь.

¹ **Ржевская битва** — боевые действия советских и немецких войск в ходе Великой Отечественной войны, проходившие в районе Ржевского выступа с 8 января 1942 года по 31 марта. Безвозвратные потери советской армии, включая пленных составили 605 984 человека. Из 20 тысяч человек, оказавшихся в оккупации, в день освобождения, 3 марта 1943 года, осталось 150 человек, вместе с районом — 362 человека. <http://ru.wikipedia.org>

Когда раненых стали отвозить, папа не мог руку сжать. Не было сил. И в дороге умер. Ему было тридцать девять лет.

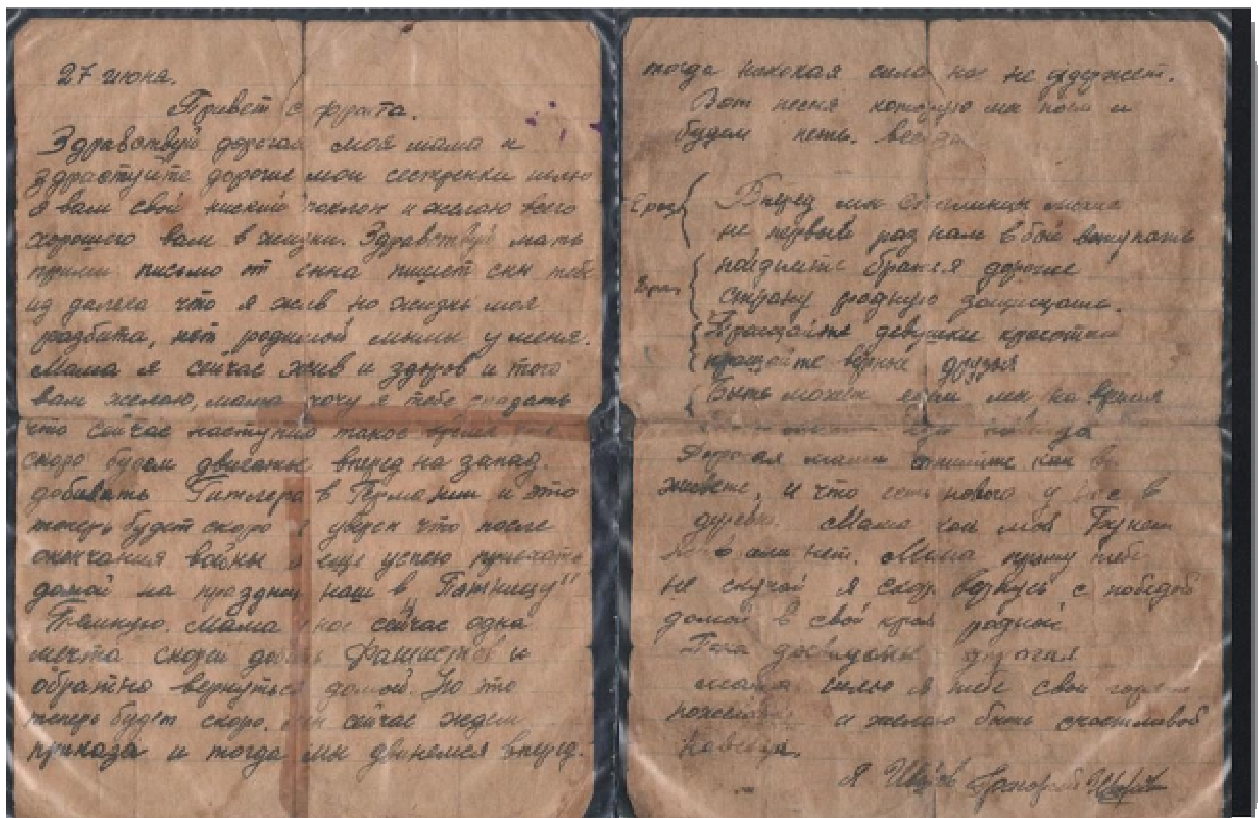
Я помню, как мы узнали о его смерти. У нас в деревне было так: если приходит кому-то похоронка, то соседи сразу собираются у дома. Мы из бани идём, а у нас женщины у дома собрались. И мама сказала: «Что же они стоят-то?». И тут мы всё узнали.

В похоронке было написано, что папа похоронен в деревне Староселье. Потом, будучи взрослой, я познакомилась с женщиной, которая жила неподалёку от этой деревни. Она узнала у старожилов, что никого там не хоронили. В деревню раненых привозили, но никого не хоронили. Так я и не знаю, где мой папа лежит...

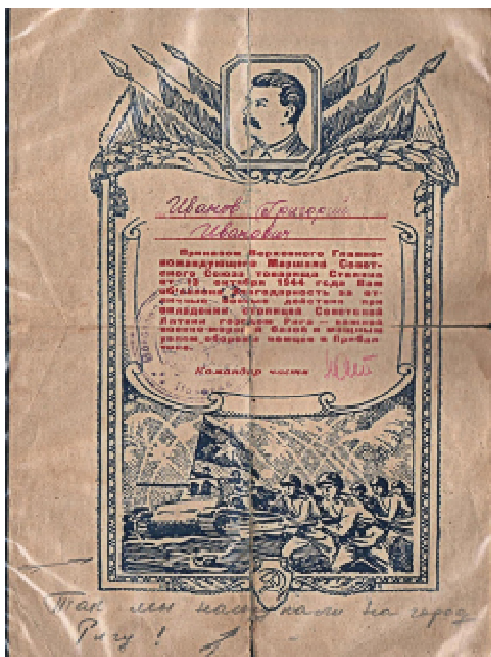

Гриша с рабочими железной дороги.

Гришу в том же сорок втором взяли в штаб писарем. У него был очень красивый почерк. Он был настоящим патриотом. Ведь в деревне многие ребята порвали документы и сказали, что они на год младше. И мама его на это уговаривала, а он: «Нет! Я комсомолец, я не имею права». И он был писарем, а потом пошёл воевать, мстил за отца.

Единственное сохранившееся письмо Григория с фронта.

Благодарность за боевые действия при овладении столицей Советской Латвии городом Рига" 1 окт. 1944

Когда Гриша ушёл, помню, был такой случай: старик поругался со своей невесткой и поджёг ей избу. А дома-то все рядышком стояли, и в итоге семь домов подряд сгорело! Да ещё колхозное гумно! Старика потом посадили...

Так мы жили до сорок пятого года. Письма от Гриши приходили через день! Мы ждали его. Но в январе пришло известие о том, что Гриша пропал без вести. Как мама голосила, как убивалась!.. Когда пришла похоронка на папу, она ещё держалась – есть сын, дочки, которых надо воспитывать. Но когда пропал Гриша... Она рыдала ночами, а мы проснёмся и тоже плачем вместе с ней. Ей люди говорили: «Анна, ты так детей с ума сведёшь!» Она очень долго оплакивала сына.

Думаю, Гриша ходил на задание и погиб, он писал, что будет на офицера учиться. Поехал куда-то с командиром и не вернулся. Это было в Риге. С тех пор мы ничего о нём не знаем.

В мае война закончилась, люди радовались и плакали. Много молодых погибло, как наш Гриша. В деревне в одной семье было шесть сыновей, и один только погиб, пять вернулись! А у кого по одному сыну ушли – ни один не вернулся, все погибли...

ВО ВРЕМЯ БЛОКАДЫ ЛЕНИНГРАДА

Сколько пережили женщины за войну! Я знала одну, бабу Лену, которая провела всю блокаду в Ленинграде. Они с мужем работали на вагоностроительном заводе имени Егорова. Делали вагоны. Работали сутками. Часто и ночевали там же. А когда были дома, то, во время бомбёжек, когда люди укрывались в убежищах, они поднимались на чердак, гасили бомбы. Потому что вниз спуститься и подняться – это очень тяжело... Воды не было, баба Лена ходила за льдом на Неву. Зимой топили буржуйку, в ней всю свою мебель сожгли. Хлеб, который получали, сразу не ели. Баба Лена сушила его, потом размачивала – и вроде так хлеба становилось больше. Её муж, коренной ленинградец, все украшения менял на траву. Хорошо, говорила баба Лена, если принесёт лебеду

или крапиву, а то принесёт одуванчик, а он такой горький! За счёт травы они и выжили...

Она рассказывала, что люди по улицам еле-еле шли. Часто падали и умирали, и никто не помогал. Ведь стоит протянуть руку, сам упадёшь и уже не поднимешься. Мёртвых людей свозили в одно место. На улице Марата штабелями лежали люди. Их привозили и складывали, а потом хоронили. Как-то раз к бабе Лене шёл племянник. Но до неё не дошел, умер на лестнице. Они его положили на санки и увезли на эту улицу...

Один молодой человек, мамин знакомый, был в армии, но как-то заскочил домой, чтобы мать навестить. А мама у него была полная. Вот он пришёл домой, открыл дверь, и видит, что соседи убили его мать и разрезают на куски. Он посмотрел и тут же ушёл. А что делать? Зашёл, и его бы убили. Но, к счастью, не заметили. Он потом всем рассказывал, что его маму съели, и плакал. Не знаю, поднимал ли он этот вопрос после войны...

Во время блокады ели собак, кошек. Один мужчина, работавший в булочной, рассказывал, что было очень много крыс, которые грызли всё подряд, и никакого спасу с ними не было. И кошек взять неоткуда, всех поели. И как-то он шёл по Баскову переулку и увидел старушку, которая гуляла с кошкой. Старушка худая, а кошка ещё хуже! Он подошёл и попросил на время кошку, а она долго отказывалась, думала, съест хотя бы её любимицу. В итоге обменяла... на пачку чая. И просила, чтобы ничего с кошкой не сделали. Он пообещал, ничего с кошкой не случится! Он сказал: «Нам нужно крыс вывести, и я думаю, что ваша кошка справится». И она справилась, переловила всех крыс, растолстела. Старушке потом давали повышенный паёк за эту кошку. Так кошка спасла всех – и булочную, и себя, и свою хозяйку.

Я знала одну лётчицу, которая прошла всю войну. В Ленинграде были женские эскадрильи. Когда из задания не вернулся последний парень, отправили её. Когда она уже летела обратно, пришлось сесть где-то у немцев. А потом самолёт никак не заводился. Вдруг она увидела мальчишку, лет восьми, который стоял неподалёку и ревел. Она его позвала к себе, и начали вместе заводить. Ничего не получалось, она уже слышала немецкую речь и лай собак. И тут

самолёт завёлся. Лётчица скорее мальчика за шкирку, затащила в самолёт и полетела. Этому мальчишку она забрала себе, воспитала, и он тоже стал лётчиком.

Воспоминания записала и оформила

Полина Баранова

2012-2013 год.